ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Кандора Руслана Султановича «Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры Российской административно-политической системы (XIX – начало XX в.). Майкоп, 2020. – 503 с. Прил., представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Включение традиционных систем управления различных народов в систему координат России имело противоречивый, а порой драматический характер, сопровождавшийся как отторжением навязываемого развития, так и огосударствлением архаичных, локальных потестарных культур, подчинением особенностей их социальной жизни интересам страны. Изучение векторов преемственности и разрыва традиций, переходных состояний, связанных с исчерпанностью возможностей прежних институтов и отношений, переходов к исторически новому состоянию составляет важную проблему формирования многонационального Российского государства. Поэтому диссертационное исследование известного майкопского историка Р.С. Кандора, посвященное процессам инкорпорации западных адыгов в административно-политическую систему России, носит, безусловно актуальный характер.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций диссертации Р.С. Кандора обеспечивается аргументированным определением объекта исследования: традиционная система управления западных адыгов, и предмета работы: процессы трансформации и инкорпорации традиционных форм управления в российские административно-политические институты.

Обоснованность научных положений диссертационного исследования подтверждается и систематизацией истории изучения вопроса. Руслан Султанович хорошо показал достоинства и упущенные возможности своих предшественников, обосновал новизну исследования комплексным

обращением к историческому опыту трансформаций традиционного управления и социальной организации адыгов через анализ характера этих изменений.

Достоверность научных положений диссертации Р.С. Кандора подтверждается и компетентным применением современной методологии: принципа историзма, историко-типологического, и историко-сравнительного методов, категориально-понятийного аппарата, связанного с традициями и инновациями, характеристиками традиционной системы самоуправления и процессов её инкорпорации в государственную политико-административную систему Российской империи.

Концепция автора основана на возможности познания инкорпорации через соотношение традиции и инновации, на понимании невозможности поступательного развития без сохранения преемственности традиционных потестарных форм.

Для решения этих проблем привлеченная источниковая база вполне репрезентативна. Включающая архивные материалы 30 фондов столичных и региональных архивов, нормативные документы, источники личного происхождения и материалы периодической печати, она позволяет ощутить контекст эпохи, ощутить драматизм исторических реалий и переживаний адыгами Северо-Западного Кавказа процесса развития традиционных форм управления и вхождения в правовое поле Российской империи.

Новизна научных положений и выводов исследователя не вызывает сомнений и определяется использованием концептов взаимодействия традиций и инноваций в изучении процессов инкорпорации, прослеживанием динамики изменений и выявлением устойчивых форм.

Личный вклад соискателя ученой степени в разработку научной проблемы подтверждается публикацией 40 научных работ, в том числе 17 – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК, а также 3 монографий.

Содержание диссертации также подтверждает обоснование положений и

выводов исследования. В двух параграфах первой главы осмысливаются методологические подходы к соотношению традиционных и инновационных форм управления, а также основные вехи историографии вопроса. Задействовав наследие зарубежных и отечественных культурологов, этнологов и антропологов (Дж. Гасфилд, Э.С. Маркарян, С.А. Арутюнов и др.) Р.С. Кандор хорошо показал проявление традиции в диалектике общественных отношений и регуляции социальной жизни, необходимость расширительного толкования понятия «традиция», необходимости последней для поддержания существования сообщества. Удачной представляется аргументация в пользу положения о том, что степень интегрирования инноваций зависит как от принятия последних другими подсистемами, так и от влияния инноваций на функцию самопроизводства культуры.

Из историографического наследия своих предшественников Р.С. Кандор выделил работы африканистов и арабистов, исследования в области имперской российской модели, а также обращенные к изучению вопросов политической и социокультурной инкорпорации народов Северного Кавказа в систему российской государственности. Глубокое прочтение накопленного отечественными и зарубежными исследователями опыта в выявлении традиций и инноваций в государствах Африканского континента, исламского мира и в северокавказских сообществах, осмысление полиэтничной империи (А. Каппелер и др.) как механизма сосуществования различных конфессиональных и этнических форм позволили автору диссертации понять процессы инкорпорации в рамках направления своего исследования.

В двух параграфах второй главы рассмотрены социальная стратификация западноадыгского общества в первой половине XIX в., а также роль исламского фактора в осуществлении традиционных институтов власти. На основе глубокого изучения архивных документов Р.С. Кандор уточняет многие накопленные в многочисленных публикациях по истории адыгов данные. Так, анализ соглашений между русским командованием и князьями Д. Болотоковым и М.-Г. Кунчуковым позволил ему сделать аргументированный

вывод о знании адыгами содержания статей Адрианопольского договора и последовательном соблюдении союзнических обязательств.

Кропотливое изучение архивных источников привело Руслана Султановича к сомнению в функционировании в первой трети XIX в. института пшишху (большой князь), о котором писали Хан-Гирей и другие авторы. В заслугу Р.С. Кандора можно поставить и содержательные аргументы в пользу того, что принятие ислама приводит к усложнению существовавших принципов политической организации адыгского общества, оказывая воздействие на правосознание и другие компоненты общественной жизни. Исследователь приходит к мысли о том, что мусульманские священнослужители, выступая как надсословная сила, выражавшая интересы всего общества, играли важную роль в интегративных процессах.

В двух параграфах третьей главы рассмотрены формирование приставских и окружных органов военно-народного управления, а также традиционная социальная организация адыгов в контексте российской реформы. Руслан Султанович смог установить, что на переходном этапе для сохранения стабильности в адыгском обществе российскими чиновниками были использованы модернизированные под влиянием духовных начал ислама структурные элементы традиционной системы управления. На основе широкого привлечения архивных источников автор диссертации масштабно проследил как внутренние предпосылки, так и факторы воздействия российской администрации, благодаря которым элементы традиционной системы управления адыгов были подчинены политико-административной системе империи. При этом представляет интерес справедливое указание Р.С. Кандора, что традиционная социальная иерархия адыгского общества российскими властями не стала приниматься во внимание и была сведена к одной социальной категории «горец» – сельский житель (обыватель).

Важным достоинством диссертации является исследование процессов взаимодействия традиционной системы управления адыгов с российскими властными институтами в 70-х гг. XIX – начале XX вв. (четвертая глава), которая выполнено на основе широкого привлечения архивных источников. Хорошо прослежены особенности применения правил «Положения о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях», процессы трансформации хаблей в саморегулирующиеся мусульманские общины, эпоха управления областью Я.Д. Маламы, при котором репутация того или иного аульного должностного лица теперь напрямую не была связана с его социальным происхождением, а подтверждалась конкретными делами. Представляет интерес выявленные исследователем практика особых совещательных комиссий при управлениях отделов, а посредники между уездными чиновниками и аульными обществами, в который входили влиятельные лица черкесских аульных обществ (с. 406–407). Высокую оценку заслуживает изучение исследователем организующей роли административной системы Кубанской области при комплектовании всадниками двух кубанских сотен Терско-Кубанского конного полка, когда был тщательно изучен опыт русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Работу очень украшают содержательные документальные приложения.

В целом Руслану Султановичу Кандору удалось убедительно обосновать заявленные научные положения. Выявленные через призму документальных материалов и других источников особенности инкорпорации западных адыгов в административно-правовую систему империи обрели в диссертации характер масштабной исторической картины.

Из замечаний и пожеланий автору диссертации хотелось обратить внимание на следующие сюжеты.

1. Уделив большое внимание проблемы соотношения традиций и инноваций в работах африканистов, исламоведов и др., дискуссиям по империям и др., Р.С. Кандор прошел мимо или дистанцировался от многих

дискуссионных оценок в кавказоведении, к которым необходимо было хотя бы высказать своё отношение. Скажем, по вопросу о черкесской государственности уже в ходе Кавказской войны, или в отношении военно-народных управлений, по которым в литературе встречаются определения их как колониальных резерваций (М.Г. Аутлев, И.Я. Куценко и др.), и как синтеза российской и кавказской потестарных культур (М.М. Блиев). Проигнорированы работы о реформах управления горцами и реакции на них, статьи П.П. Матющенко, монографии Т.А. Невской и А.С. Кондрашевой 2011 г., П.А. Кузьминова 2009 г., Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) / под ред. В.Н. Ратушняка» (Краснодар, 2002) и др., где немало внимания уделено проблемам, затрагиваемым в диссертации.

2. В работе часто встречается анализ различных нормативных положений о горцах Кубанской области с добротным анализом реакции на них, встречающейся в архивных документах, однако сами положения лучше было бы дать по официальным публикациям в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ) или отдельными изданиями (например, ПСЗРИ. Собр. 2. 1864. Т. 39. Ст. 40742. Упразднение в Куб. обл. Верхне- и Нижне-Лабинских приставств и учреждение в замене их Абадзехского и Шапсугского военно-народных округов; Собр. 2. 1866. Т. 41. Ст. 42913; Собр. 3. 1887. Ст. 4559 О размере, раскладке и порядке взимания налога с мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья, заключающих исполнение военной повинности натурою; Собр. 3. Т. 23. 1903. Ст. 23610. О содержании старшин туземных (аульных) селений Терской и Кубанской областей и др.). Это позволило бы точнее указывать название нормативных документов. Скажем, на с. 307 называется «Положение об аульных обществах и горском населении», в то время как настоящее название этого документа – «Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях», при этом оно было введено не в декабре, а 18 ноября 1870 г.

3. Важным достоинством работы является обращение к документам РГИА (г. Санкт-Петербург), однако при этом почему-то был совершенно проигнорирован фонд 1268 – Кавказский комитет, где в делах наместников встречается немало сведений по социальной жизни и управлению западных адыгов.

4. Ряд положений и выводов диссертации носит спорный характер. Так, на с. 163 говорится, что причастность генерала Г.Х. Засса к гибели Джамбулата Болотокова для современников была очевидной. Однако сохранившаяся переписка по поводу гибели князя не дает однозначного ответа на этот вопрос (РГВИА. Ф. 482. Д. 62), причем «многие влиятельные закубанцы» главным заказчиком смерти Джамбулата считали Шеретлука Болотокова. В другом документе отмечено, что «известный своей храбростью в Черкесии Айтек-оглу Джембулат, родственник князя Сефербея, убит из ружья одним дагестанским узденем за то, что не соглашался идти на шариат (судебную сходку) по требованию Султана Азамат-Гирея и зятя его Келимиш-оглу Али-бея» (АКАК, Тифлис, 1881. – Т. VIII. – № 671. – С. 768).

Или на с. 180 утверждается, что последующая исламская модернизация традиционной системы управления в 1830-х – 1840-х гг. опиралась на религиозное сознание горцев. Однако изложенные в этом разделе многочисленные факты сопротивления горцев учреждениям Сулеймана-эфенди и Мухаммед-Амина скорее опровергают это утверждение. В действительности ислам для горцев выступал в эту эпоху часто лишь формой идеологического обоснования независимости. Так, после очередного занятия шапсугами и убыхами развалин черноморских береговых укреплений, они разрушили всю «государственность» Мухаммед-Амина. «В несколько дней была опрокинута с таким трудом введённая административная система, – вспоминал Т. Лапинский, – мехкеме были сожжены, начальники изгнаны, кадии и муртазики должны были разойтись по домам. <…> Так как русские теперь отступили, то оказался не нужен более и пророк Магомет. Во многих

местностях, особенно в горах, жители сожгли поэтому мечети и восстановили опять старые кресты».

Тем не менее, в целом, диссертация Р.С. Кандора представляет собой отвечающую необходимым требованиям оригинальную научную работу, которая решает крупную научную проблему. Исследование прошло необходимую апробацию. Автореферат полностью соответствует содержанию основного текста диссертации. Диссертация отвечает критериям, сформулированным в п. 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертационного исследования Руслан Султанович Кандор, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Профессор кафедры истории России
Кубанского государственного
университета, докт. ист. наук, профессор О.В. Матвеев

Контактная информация: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Кубанский государственный университет, кафедра истории России, ауд. 248, эл. адрес: culture@kubsu.ru, тел.: (812) 219-95-56, моб. 89182303389

Матвеев Олег Владимирович

13.12.2020.

Подлинность подписи
Начальник отдела кадров профессорско-преподавательского состава управления кадров